

Р. Б. 1896, листопаду 12. Ганнина Пустынь.

Вельковажный Добродію
Васылю Васылевичу!

Ганна мои дякуе вамъ вельмы подячно за кыевськи ласоци та й посылае вамъ малюночоеъ—хочъ и мызерный, та достойный увагы.

Якъ прылетае було до насъ пидъ виконце возарлюга зъ шаблюкою, пугаючы по запоровькій: „Пугу, пугу! Козакъ зъ лугу!“ тоди гостювавъ у насъ коло Золотыхъ Борить Левко Жемчуженко; ажъ ось цыше до ёго телеграмуючы съ Крыму Олекса Товстый, невмирущій теперыньки своею письнею: „Эхъ, кабы Волга матушка да вспять побѣжала! кабы можно, братцы, начать жить сначала!“ Занедужавсь у Крыму. Левко не звырывъ бы ніякому профанови съ своими живописными пробами, отъ и просить мою Ганну переховаты все, а вона, позапечатувавшы всяку всячину, знайшла роздрту на четверо картынку. Вподобавъ я сю пробу живописну, та й видгадавъ їи тему, и надписавъ їи на листочку, стулывши докупы малюванне Левкове. Оце жъ нехай и вона йде въ васъ до гурту всякои дывовыжи, единой на Украини.

Я дякую за „Коріолана“ и вертаю вамъ ёго; а свого часу надишло й оригиналь—автографъ. Бувъ винъ у Т—а ёго, яко мою рукѡписъ, не малы права выпускаты зъ рукъ, а й надто, що я допевнявсь їа.

Теперь изъ ласки своей пришлетъ меня хочъ аркушыкъ того Шекспыра, що друкуецьця въ якыйся газеты за полытычнёю прирвою.

Не здякувать... мы вамъ обойко за ваше закльканьне въ гостыну до „Матери городивъ руськыхъ“, та ба! Головлю печататы кныжку завбільшкы зъ „Дзвона“, пидъ назвою: „Позычена Кобза“, переспивъ чужомовнихъ съпививъ (повы що, Бгете, Шиллера, Байрова, Гейне); переспивувавъ же ихъ Кулишъ Омельковычъ Панько выступцемъ первымъ“ (бо хочецьця съпи-

ваты ще й по итальянській, по вгредцькій, по латынській, щобъ доказаты тіен правды, що *любьяный языкъ* не давъ бы й самому Пушкину (зривняйте „Вертоградъ сестры моей“ и поелонъ одъ Дону съ тымъ, якъ воно пересынявано въ „Дзвони“). Потимъ ще мушу напечататы „Оповідання Ганны Б—нъ, новый листь въ народнихъ устѣ“. Удпереднихъ словахъ до первой и другой книжки позвиршовувано, про що мы дбаемо, а въ Оповіданняхъ кажу:

Потомкы древнёго славянського народу

За слѡва стоимѡ и розуму свободу....

Це все мушу вхопыты однимы руками, та ще трохи й слипуючы (не вамъ казавшы). Якъ мышъ одкусыть голову, дакт. никто вже не дасть ничому тому ладѣ, а воно, яке ни е, мусыть проводырствуваты въ моимъ переклади „Святого Цысьма“: зрозуміють бо й ворогы наши, що хто такъ высловлюе и великыхъ съпивцивъ и простолюдьню мову, той не безъ громадського вжитку перекладавъ Книгу Книгъ....

Поселъ вашъ хапаецьця вертатысь такъ, що я не встыгъ и доси подякуваты вамъ за вашого малеваного Кобзаря зъ Гайдамаками. Отъ що нехай лежить на столи въ вельможного панства,—не чужеземни! Нехай и дитвора набираецьця староруського духу тай спогадуе, „откуда пошла есть Руская земля!“.

Обіймаю васъ видъ сердца, мій соколе ясенькый!

Щиро прыхильный Панько Хуторный.

13.

Высовоповажный Добродію!

Цыдулу сю посылаю навпереймы вчорашнёго листу. Дякуючы за мою Ганну, що вговобылы ии такъ вѣлыко ласощама, я задержавъ посла вашого, а й надто, що винъ прыбувъ саме въ обиды. Студіи жъ мои забылы мени паморокы; я й не схаменулся, де вы резыдуете. Выбачайте, що такъ невважно задержавъ посла, колы ёго можна було видпустыты заразъ, а до васъ пысаты въ Кыввъ.

Дякувалы мы вчора й за пышный альбомъ Шевченкый. Зробылы вы нымъ соби монументъ, ушановавши ёго великого,

хочь и не обизнаного зь наукою, духа. Щобъ то було съ сїен кгеніяльной людны, колыбъ намъ изъ Ганною пощастыло взяты ёго промижъ не таки люде, зь якими винь товаришувавъ (та й псувавсь) на Вкраини!

Пышучы вчора до васъ, що прядучы на тонку вже, яко людныа, що ій—мовлявъ той—зосталось уже зо дьви чысныци жыты, выдыхывъ я ваши зазовыны въ Кывь тымъ, що хапаюсь довесты до ладу мои пысанья. Сёгодня жъ моя стара будивля натякнула мени, що(бъ?) въ осены вже седивъ я сыдьма въ хати, дакъ у Кывь зимою мени ихаты хиба по смерть... Я то про неи дбаю якъ той, що пысавъ:

Покамѣсть, унивайтесь ею,

Сей легкой жизнїю друзья:

Ея ничтожность разумѣю

И мало къ ней привязанъ я...

Та хочецьця ймени покынуты сълїдъ по собі. Отъ и зачынивсь я собі въ хатыни пустыныкомъ. Знаючи се, не здыуйте, що зрєкаюсь усякои втихы великосвітнѣи, втишаючи себе тилько съвятими словесами: „Теченіе жизни скончахъ и вѣру (въ слово „спасенный даръ Божый соблюдохъ“).

По сїй же мови та бувайте здорови и передайте мое шанїбне й прыхыльне витавнѣя всїй вашїй родыни.

Панько Хуторный.

Р. Б. 1896, листопаду 13.

Р. С. Я вамъ оповидувавъ, якъ Т—о пидвивъ бувъ мене пидъ манастыръ тымъ, що „Зоря“ печатала бъ мого Шекспыра прыложеньямы; я жъ „Зоря“ не люблю за йїи ду-рощи (не кажучы ышого). Одимъ же то робомъ „Корїоланъ“ и захавъ бувъ у Кывь, та я вернувъ ёго до дому.

14.

1896, ноября 16.

На ознаку того, якъ я поважаю ваше поранѣня коло забуткывъ ридной намъ давныны, посылаю вамъ ще вязку шпаргаливъ. Себе вже выпроводжаю въ ышый, не такый якъ сей

сѣвить, маковъ цвѣть, що вранци цвите, ввечери опаде, а вапа дбайлыва збиранына попережывае й ненародженныхъ ище. Благаю тилько—не выпускагы сихъ покыдѣкъ моихъ за ваши двери въ Кіевѣ й за ваши ворота въ Качанивцѣ. Се памятайте, спасыби вамъ. Хто жъ бы схотявъ передывлюватысь мою по-выдъ, нехай передывлюецьця въ вашій господи.

Панько Хуторный.

Ганна моя покорнѣйше просить васъ прислать ей или Байронова Джавура на франц. языкѣ, или томикъ Байрона, въ которомъ помѣщенъ Джавуръ.

15.

Р. Б. 1896, мѣсяця листопада 28 дня.

Ой Васылю Васылыно,
Любая дѣтыно!
Йидешъ полемъ сывымъ конемъ—
Дывытыся мыло....

И доси вы той же „юноша благый“ сердцемъ, якимъ я васъ вельчавъ, незнаючи ничого луччого надъ благость.

Радъ я, що й перва серыя моихъ автографивъ була вамъ до любой вподобы: бо друга й третя задоволныть васъ билше.

Хвалыты Бога мылосердного, моя вохана дружина вычуняла, та й я сякъ-такъ перемагаю кашляньне. Колы маете часъ на завѣтаньне въ *Ганнину Пустынь*, дакъ прыбувайте якои схочете добы, не вважачы на наше клопотлыве хуторянство. Давній прыятель уконтентуетьця нашимъ пѣбутомъ, якый винъ соби ни е, середъ ридного мени и вамъ краю. На мое жъ безустаньне нышпоренне по кныжкамъ не вважайте: бо й самъ письмацький богъ Аполлонъ, мовлялы латынъци, не разъ у разъ держыть лука натягненымъ (*Non semper tendit arcum Apollo*).

Щыро-прыхыльный до васъ укупи въ Ганною и до вашои высокоповажной нени—Панько Хуторный.

16.

Телеграмма.

Ваше молчаніе тревожатъ меня. Я уже извиняюсь въ своей забывчивости, отправляя благодарственное за лакомства и роскошный альбомъ и Коріолана письмо въ Качановву, а не въ *Кіевъ*.

Ганна моя просила васъ выслать ей на фр. языкѣ тотъ томикъ Байрона, въ которомъ помѣщенъ „Джавуръ“, а я прошу ссудить меня на время рукописью поэмы: „Кулишъ у Пекли“. Готовлю ее къ напечатанію въ Женевѣ и хочу просмотрѣть, нѣтъ ли въ вашемъ спискѣ какойнибудь поправки, или прибавки.

Интересуетъ меня извѣстіе о найденной у насъ въ огородѣ гривнѣ, приложенной при рукописномъ тукѣ. Что за фигуры на ней и что за надпись: неграмотное ли подражаніе письменамъ, или плохо скопированная глаголитика?

Увѣдомьте немедленно о вашемъ здоровьи.

Панько Хуторный.

1896, декабря 2.

R. S. Поэма о пребываніи моемъ въ аду будетъ напечатана, *rescipiam causa*, только въ одной сотнѣ экземпляровъ. У мене и „Дзвинъ“ только въ одномъ экземплярѣ, неброшюрованномъ и составленномъ изъ корректурныхъ. *Spiewak nie-stetu, spiewac nie tam komu!*

17.

Телеграмма *).

Допытувався я про мого рукописного Шекспира, що хтось его якось ніби друкує по тимъ боци политичнѣй прирвы, а печатаного маю, я пры сій нагоди вашого печатаного вертаю. Выбачте за ведброзумъ.

*) Такъ называлъ Н. А. К.—шъ свои письма въ послѣднее время.

Т—ови бувъ я передавъ три драмы: Король Лиръ, Коріоланъ и Прыборкана Гоструха, та роспытавшысь, якъ вивъ хоче ихъ друковаты, вернувъ до дому. Дывуюсь тій панноцѣ: чомъ вона не выбрала котру ыншу драму, а Коріолана! Хаба се було не іи, не барышенське дило?

Поспытавъ я й у Павлыка. Пыше: „про друкованье Шекспировыхъ творивъ доси не знаю ничого. Якъ узнаю, то напищу вамъ“.

Вельке спасыби, що прислалы мойй Ганни гарнесеньке выданья Шекспыра. Забувъ я поспытаты просючы: яка ему цина? Пры нагоди, не забудьте сповистыты.

Не знаю, про якого Чорненка пышете, що въ ёго гравырованья Шевченкове. Колы се людына знакома, заразъ напишу до неи.

Панько Хуторный.

Р. Б. 1896, дек. 5.

Р. С. Пославъ я вчора Паслыкови печататы вви Львови первый выступецъ *Позыченои Кобзы*, що закичавъ „Корныховською молодою княгынею“ Кгёте и Кгредькымы богамы Шыллеровымы. „Кулишъ у Пекли“ не мусыть друковатысь за Павлыковымъ доглядомъ, щобъ не звылы ёго жывцемъ ильвивськи брехуны й крадуны. Пошлю ему тилько примрнычокъ, а теперь винъ про сю поэму не знае ничогисенько.

Повторяю настоятельнѣйше мою покорную просьбу—не выпускать за порогъ вашего музея и мѣстопробыванія ни одного листка моихъ автографовъ ни для кого и ни для чего.

18.

Телеграмма.

1896, декабря 16.

Князь Шаховской, Мыкола Володаренко, приславъ мени зкось двы новыны: кныжку Лева Товстуна и кныжку Буно-